ПЕНЗЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ: 1 И 16 ЧИСЕЛЪ.

Подписка принимается въ Редакціи, при Пензенской дух. Семинаріи.

№ 11.

Цѣна годовому изданію Вѣдомостей съ пересылкою и доставкою 5 руб.

1-го іюня, 1879 года.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

царь польскій, великій князь финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Во 2-й день сего мая, Любезнѣйшая Наша Невѣстка, Ея Императорское Высочество, Государыня Великая Княгиня Марія Павловна, Супруга Любезнѣйшаго Нашего Сына, Его Императорскаго Высочества, Государя Великаго Князя Владиміра Александровича, разрѣшилась отъ бреме-

ни рожденіемъ Намъ Внука, а Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Сына, нареченнаго Андреемъ.

Таковое Императорскаго Нашего Дома приращеніе пріемля новымъ ознаменованіемъ благодати Божіей, въ утѣшеніе Намъ ниспосланной, Мы вполнѣ удостовѣрены, что всѣ вѣрноподданные Наши вознесутъ съ Нами ко Всевышнему теплыя молитвы о благополучномъ возрастѣ и преуспѣяніи Новорожденнаго.

Повелѣваемъ писать и именовать во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ приличествуетъ, Сего Любезнѣйшаго Намъ Внука, Новорожденнаго Великаго Князя, Его Императорскимъ Высочествомъ.

Данъ въ Ливадіи во 2-й день сего мая, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ семьдесятъ девятое, царствованія же Нашего въ двадцать пятое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„*АЛЕКСАНДРЪ*“.

Списокъ священнослужителей, пензенской епархіи, Всемилостивѣйше пожалованныхъ въ 1-й день апрѣля 1879 г., за отлично-усердную службу по гражданскому и военному вѣдомствамъ, знаками отличія.

Наперснымъ крестомъ, отъ Святѣйшаго Синода выдаваемымъ, города Пензы, Николаевской церкви священникъ Александръ **Терновскій**; *камилавками*: керенскаго уѣзда, села Малой-Ижморы, священникъ Іоаннъ **Масловскій**; инсарскаго уѣзда, села Шуваръ, священникъ Андрей **Діатроптовъ**; города Наровчата, Троицкой церкви священникъ Димитрій **Каришневъ**; города Пензы, Александроневской церкви священникъ Димитрій **Добросердовъ**; *скуфьями*: города Городища, Троицкаго собора священникъ Іосифъ **Благоразумовъ**; краснослободскаго уѣзда, села Аракчеева, священникъ Евграфъ **Снѣжницкій**; городищенскаго уѣзда, села

Чемодановки, священникъ Алексѣй **Зарѣцкій**; города Мокшана, Архангельской церкви священникъ Владиміръ **Прилуцкій**; мокшанскаго уѣзда, села Ломовки, священникъ Ѳеодоръ **Карсаевскій**.

Списокъ священнослужителей, пензенской епархіи, удостоенныхъ въ 1-й день апрѣля 1879 г. Высочайшихъ наградъ за отлично-усердную службу по епархіальному вѣдомству.

Наперсными крестами, отъ Святѣйшаго Синода выдаваемыми: города Пензы, Спасопреображенской церкви священникъ Левъ **Тепловъ**; нижнеломовскаго уѣзда, церкви села Головинщины протоіерей Іоаннъ **Юницкій**; пензенскаго уѣзда, церкви села Грабова священникъ Симеонъ **Секторовъ**; *камилавками:* города Пензы, Николаевской церкви священникъ Григорій **Соколовъ**; инсарскаго уѣзда, церкви села Токмова священникъ Василій **Масловскій**; чембарскаго уѣзда, церкви села Невѣжкина священникъ Георгій **Конусовъ**; мокшанскаго уѣзда, церкви села Степановки священникъ Ѳеодоръ **Быстровъ**; мокшанскаго уѣзда, церкви села Уарова священникъ Серапіонъ **Преображенскій**; *скуфьями:* города Пензы, Спасскаго каѳедральнаго собора священникъ Михаилъ **Шестаковъ**; города Пензы, семинарской церкви священникъ Андрей **Невзоровъ**; города Пензы, Мγроносицкой церкви священникъ Алексій **Артоболевскій**; пензенскаго уѣзда, церкви села Терновки священникъ Павелъ **Гомеровъ**; пензенскаго уѣзда, церкви села Каменки священникъ Николай **Чернозерскій**; пензенскаго уѣзда, села Дертева священникъ Іоаннъ **Благонравовъ**; пензенскаго уѣзда, церкви села Покровской Арчады священникъ Александръ **Покровскій**; пензенскаго уѣзда, церкви села Елани священникъ Максимъ **Целебровскій**; пензенскаго уѣзда, церкви села Кри-

возерьевки священникъ Григорій **Керенскій**; саранскаго уѣзда, церкви села Трофимовщины священникъ Θеодоръ **Спасскій**; саранскаго уѣзда, церкви села Трофимовщины священникъ Василій **Ципровскій**; саранскаго уѣзда, церкви села Гартъ священникъ Андрей **Фатигаровъ**; инсарскаго уѣзда, церкви села Потижской слободы священникъ Іоаннъ **Никольскій**; инсарскаго уѣзда, церкви села Воскресенской Саловки священникъ Василій **Богоявленскій**; мокшанскаго уѣзда, церкви села Свинухи священникъ Михаилъ **Перовскій**; мокшанскаго уѣзда, церкви села Рогожкина священникъ Александръ **Паимскій**; нижнеломовскаго уѣзда, церкви села Каремши священникъ Петръ **Каменскій**; нижнеломовскаго уѣзда, церкви села Гороховщины священникъ Іоаннъ **Путодіевъ**; нижнеломовскаго уѣзда, церкви села Ростовки священникъ Константинъ **Любимовъ**; нижнеломовскаго уѣзда, церкви села Скворешнаго священникъ Андрей **Угрюмовъ**; нижнеломовскаго уѣзда, церкви села Вороны священникъ Симеонъ **Кармиловъ**; чембарскаго уѣзда, церкви села Агапова священникъ Іоаннъ **Мизеровскій**; чембарскаго уѣзда, церкви села Невѣжкина священникъ Николай **Невзоровъ**; керенскаго уѣзда, церкви села Котла священникъ Іоаннъ **Коронатовъ**; города Краснослободска, Покровской церкви священникъ Александръ **Европейцевъ**; краснослободскаго уѣзда, церкви села Вороны священникъ Θеодоръ **Николаевскій**; краснослободскаго уѣзда, церкви села Михайловкскаго священникъ Михаилъ **Терновскій**; городищенскаго уѣзда, церкви села Усовки священникъ Іоаннъ **Акшанаскій**; городищенскаго уѣзда, церкви села Межеровки священникъ Іоаннъ **Ювенскій**; городищенскаго уѣзда, церкви села Русскаго Ишима священникъ Евфимій **Мироносицкій**.

Отношеніе предсѣдательницы пензенскаго Управленія Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, г-жи Татищевой, на имя Его Преосвященства.

Преосвященнѣйшій Владыко,
Милостивый Государь и Архипастырь!

Съ разрѣшенія Ихъ Императорскихъ Величествъ, на учрежденіе краснаго креста возложенъ сборъ пожертвованій платьемъ, бѣльемъ, провизіей и деньгами въ пользу погорѣльцевъ города Оренбурга. А потому предсѣдатель Главнаго Управленія Общества краснаго креста, генералъ-адъютантъ Баумгартенъ, телеграммою отъ 28 апрѣля, проситъ пензенское Управленіе Общества краснаго креста, все собранное имъ, наивозможно скорѣе, отправлять въ Оренбургъ, на имя командированнаго съ Высочайшаго соизволенія, камергера Петра Владиміровича Жуковскаго.

Вслѣдствіе чего пензенское Управленіе, по постановленію своему, состоявшемуся 30 апрѣля, распорядилось приглашеніемъ всѣ сословія губерніи къ пожертвованіямъ платьемъ, бѣльемъ, провизіей и деньгами, съ тѣмъ, чтобы пожертвованія были высылаемы въ пензенское Управленіе, которое и будетъ отправлять по назначенію.

Сообщая о семъ, я имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Преосвященство, не отказать, въ распоряженіи Вашемъ, къ приглашенію духовенства ввѣренной Вамъ епархіи къ пожертвованіямъ въ пользу погорѣльцевъ г. Оренбурга.

Испрашивая Вашего Архипастырскаго благословенія и молитвъ у престола Всевышняго, имѣю честь быть, Вашего Преосвященства, покорнѣйшею слугою, Л. Татищева.

На семъ отношеніи г-жи Татищевой резолюція Его Преосвященства 2 мая послѣдовала: „Пригласить духовенство пензенской епархіи къ пожертвованіямъ въ пользу погорѣльцевъ г. Оренбурга чрезъ пропечатаніе настоящаго отношешенія Ея Превосходительства, предсѣдательницы пензенскаго Управленія Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ“.

Журналъ Совѣта пензенскаго епархіальнаго женскаго училища, отъ 13 апрѣля 1879 года, за № 16-мъ.

Слушали: 1) Записку предсѣдателя совѣта, прот. Петра Секторова отъ 12 сего апрѣля, въ 4 пунктѣ коей прописано слѣдующее: „По силѣ § 16 Устава епарх. женск. училищъ, всѣ лица епархіальнаго вѣдомства имѣютъ право сноситься во всякое время словесно и письменно съ членами училищнаго Совѣта, избираемыми духовенствомъ, и дѣлать имъ заявленія, относящіяся къ благоустройству училища, каковыя заявленія предлагаются сими членами на обсужденіе училищнаго Совѣта. Докладывая о сей статьѣ Устава Совѣту, считаю долгимъ сказать, что я, съ своей стороны, находилъ бы необходимымъ отпечатать ее для свѣдѣнія духовенства епархіи, дабы оное, въ случаѣ его желанія сдѣлать то или другое заявленіе, относящееся къ училищу, сносилось по сему дѣлу съ членами Совѣта отъ духовенства, которыхъ и поименовать въ этомъ объявленіи“.

Опредѣлили: § 16 Уст. епарх. женск. училищъ отпечатать въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, съ тѣмъ, чтобы лица духовнаго вѣдомства, пожелавшія сдѣлать какое либо заявленіе, относящееся къ благоустройству училища, обращались о семъ письменно или словесно къ членамъ Совѣ-

та онаго училища, избраннымъ духовенствомъ. Таковыми членами въ настоящее время состоятъ: протоіерей Петръ *Секторовъ* и священникъ Григорій *Соколовъ*, изъ коихъ первый председатель Совѣта.

Слушали: 2) Записку предсѣдателя Совѣта, прот. Петра Секторова слѣдующаго содержанія: „Такъ какъ многими изъ воспитанницъ до сихъ поръ еще не взнесены деньги за вторую половину $187^8/_9$ учебнаго года за содержаніе ихъ въ училищѣ, и такъ какъ нѣкоторыя изъ воспитанницъ, проживши въ училищѣ нѣсколько мѣсяцевъ и вышедши изъ онаго по разнымъ причинамъ, взносятъ деньги за содержаніе ихъ въ училищѣ не за цѣлое полугодіе, а только за то время, которое онѣ проживутъ въ училищѣ: то, доводя о семъ до свѣдѣнія Совѣта, имѣю честь просить, не найдетъ ли Совѣтъ нужнымъ сдѣлать также распоряженіе, чтобы, а) деньги взносимы были за содержаніе воспитанницъ въ извѣстный срокъ, б) за такихъ воспитанницъ, которыя выходятъ изъ училища до истеченія полугодія, или не являются въ училищѣ нѣсколько времени, взносима была сумма въ полномъ количествѣ за цѣлое полугодіе, а не по разсчету времени пребыванія ихъ въ училище. Такой разсчетъ не принятъ ни въ одномъ учебномъ заведеніи и составляетъ для Совѣта училища затрудительную путаницу въ разсчетахъ.

Опредѣлили: 1. Назначить срокомъ для взноса пансіонерской платы за первую половину учебнаго года (отъ іюля до декабря включительно) мѣсяцы *августъ* и *сентябрь*, а за вторую половину (отъ января до іюня включительно) мѣсяцъ *январь*.

2. За неплатежъ пансіонерскаго взноса въ назначенный выше срокъ, воспитанницы будутъ увольняемы изъ училища.

Исключеніе допускается только для воспитанницъ, не могущихъ явиться въ училище въ началѣ того или другого полугодія по болѣзни.

3. Плата за содержаніе въ училищѣ должна быть взносима непремѣнно въ полномъ количествѣ за данное полугодіе.

4. Если какая либо воспитанница взята будетъ изъ училища ранѣе оплаченнаго полугодія,—взнесенная плата не возвращается. Равнымъ образомъ, если воспитанница по болѣзни явится въ училище позже начала того или другого полугодія,—плата за содержаніе ея взносится полная, какъ за цѣлое полугодіе.

5) Настоящій журналъ, для свѣдѣнія духовенства пензенской епархіи, напечатать въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, о чемъ почтительнѣйше представить (и представляется) на Архипастырское благоусмотрѣніе Его Преосвященства.

Слушали: III. Словесное заявленіе его же (предсѣдателя Совѣта) о томъ, что съ наступленія $18^{79}/_{80}$ учебнаго года не откроется при училищѣ ни одной вакансіи для епархіально-коштныхъ пансіонерокъ и чтобы о. о. благочинные не избирали на благочинническихъ съѣздахъ кандидатокъ на имѣющія открыться съ $18^{80}/_{81}$ учебнаго года вакансіи до тѣхъ поръ, пока училищный Совѣтъ не составитъ распредѣленія о томъ, отъ какого уѣзда и какого благочинническаго округа можно будетъ принимать пансіонерокъ.

Справка 1. Въ училищѣ открыто 25 епархіально-коштныхъ вакансій для сиротъ пензенской епархіи.

2. Всѣ существующія при училищѣ епархіально-коштныя вакансіи замѣщены сиротами, коихъ вмѣстѣ съ стипендіатками всего 34.

3. Въ началѣ сего $187^{8}/_{9}$ учебнаго года отказано восьми сиротамъ въ принятіи въ училище по неимѣнію епархіально-коштныхъ вакансій.

Опредѣлили: Объявить духовенству пензенской епархіи, чрезъ пропечатаніе въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, что на будущій $18^{79}/_{80}$ учебный годъ въ женскомъ епархіальномъ училищѣ не откроется ни одной вакансіи для епархіально-коштныхъ пансіонерокъ.

2. Просить о. о. благочинныхъ, чтобы они на благочинническихъ съѣздахъ не избирали кандидатокъ на замѣщеніе въ училищѣ епархіально-коштныхъ вакансій до тѣхъ поръ, пока не пропечатано будетъ отъ Совѣта извѣстіе о томъ, отъ какого уѣзда или благочинническаго округа можетъ быть принята въ училище епархіально-коштная пансіонерка.

На семъ журналѣ резолюція Его Преосвященства послѣдовала такая: *„1879 года, апрѣля 26 дня. Исполнить“*.

ПЕРЕЧНЕВАЯ ВѢДОМОСТЬ
о движеніи дѣлопроизводства по пензенской духовной консисторіи, за апрѣль мѣсяцъ 1879 г.

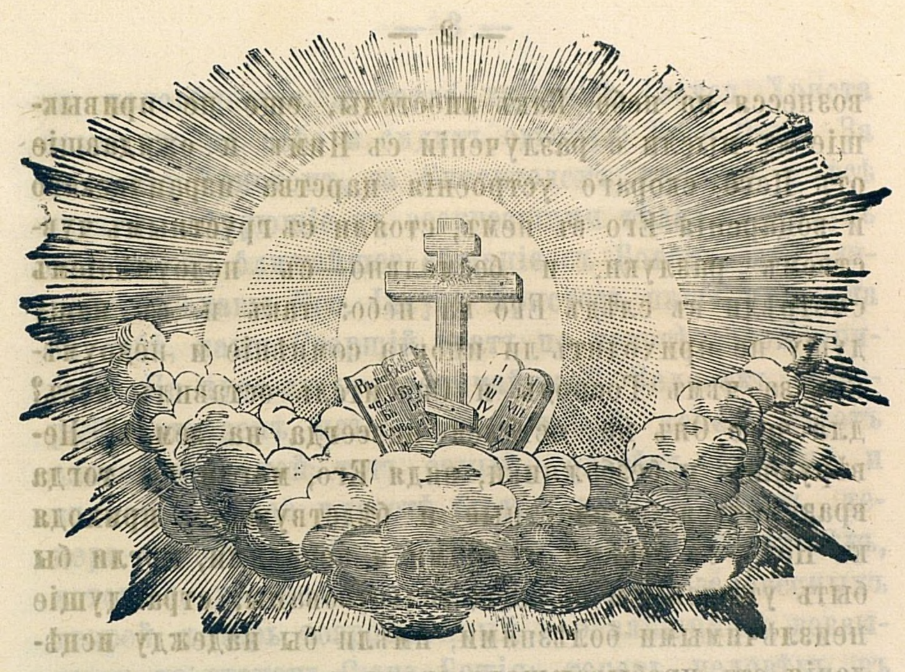
	Оставалось къ 1-му апрѣля 1879 г.	Изъ нихъ окончено.	Въ апрѣлѣ поступило.	Изъ нихъ окончено.	Осталось къ 1-му мая 1879 года. Дѣлъ предшедшихъ годовъ.	Дѣлъ 1879 года.	Итого.
Распорядительныхъ . . .	67	7	25	21	18	46	64
Хозяйственныхъ	18	2	—	—	10	6	16
Слѣдственныхъ и судныхъ.	45	9	15	9	14	28	42
Итого	130	18	40	30	42	80	122
Въ числѣ неоконченныхъ дѣлъ состоитъ:							
За присутствіемъ консисторіи	—	—	—	—	5	2	7
„ канцеляріею	—	—	—	—	2	3	5
„ подвѣдомыми мѣстами и лицами	—	—	—	—	17	47	64
„ прочими мѣстами и лицами	—	—	—	—	18	28	46

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ было: входящихъ бумагъ 314, журнальныхъ статей 95, протоколовъ 56 и исходящихъ бумагъ 362.

Редакторы, преподаватели семинаріи: А. Поповъ. Н. Смирновъ.

Дозволено ценз. Пенза, 1 іюня 1879 г. Цензоръ, ректор. сем., прот. С. Масловскій.

Печатано въ Пензенской Губернской Типографіи.

ПЕНЗЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1 іюня. № 11. 1879 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

СЛОВО
въ день Вознесенія Господня.

Уне вамъ есть, да Азъ иду. (Іоан. 16, 7).

Нынѣшній праздникъ есть тотъ день, въ который воскресшій Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ послѣдній разъ явился ученикамъ своимъ, простился, такъ сказать, съ ними на горѣ Елеонской и въ виду ихъ

вознесся на небо. Какъ апостолы, еще не привыкшіе къ мысли о разлученіи съ Нимъ и ожидавшіе отъ Него скораго устроенія царства израильскаго и воцаренія Его въ немъ, стояли съ грустнымъ чувствомъ разлуки, и безмолвно—съ недоумѣніемъ смотрѣли въ слѣдъ Его на небо: такъ и въ нашу душу не приходитъ-ли иногда сомнѣніе и недоумѣніе, за чѣмъ Господь и Спаситель оставилъ насъ? для чего Онъ не остался навсегда на землѣ? Невѣрующіе и безбожники, видя Его, могли бы тогда вразумиться; несчастные и бѣдствующіе, приходя къ Нему съ своими нуждами и печалями, могли бы быть утѣшены и облагодѣтельствованы; страждущіе неизлѣчимыми болѣзнями, имѣли бы надежду исцѣленія отъ пребывающаго среди ихъ врача душъ и тѣлесъ. Но всѣ эти недоумѣнія учениковъ своихъ и наше маловѣріе весьма вразумительно и утѣшительно разрѣшаетъ Самъ предвидѣвшій ихъ Господь въ послѣдней своей бесѣдѣ предъ страданіями, убѣдивъ ихъ своими отрадными обѣтованіями, что отшествіе Его на небо будетъ лучше для нихъ: *уне вамъ есть, да Азъ иду*. Эти-то высокія и спасительныя обѣтованія Господни и объясняютъ намъ то великое значеніе и цѣль, которыя имѣетъ вознесеніе Христово въ домостроительствѣ нашего спасенія. Въ славу Господа и для нашего назиданія разсмотримъ въ настоящія минуты, почему именно вознесеніе Спасителя на небо лучше для насъ, чѣмъ всегдашнее пребываніе Его на землѣ?

Славное вознесеніе Іисуса Христа на небо съ божественною плотію своею, во-первыхъ, заключаетъ въ себѣ нашу славу, наше торжество, потому что на-

ше человѣческое естество въ лицѣ Іисуса Христа вознесено на небо и сидитъ одесную Бога Отца. За Іисусомъ Христомъ, за Спасителемъ нашимъ и всѣ истинно вѣрующіе съ воскресшими тѣлами войдутъ нѣкогда въ ближайшее общеніе съ Богомъ, въ блаженство славы Его. Іисусъ Христосъ нашъ предтеча на небѣ, нашъ Старшій братъ по человѣческой природѣ. Не чудо-ли это величайшее?! Человѣкъ, который сотворенъ изъ персти земной, теперь сіяетъ славой небесной; тотъ самый человѣкъ, который и въ первобытной чистотѣ былъ ниже Ангеловъ, теперь превыше всѣхъ силъ небесныхъ; тотъ человѣкъ, который, по паденіи, унизился до безсловесныхъ тварей, теперь возрожденный и освященный, возвышенъ на степень Сына Божія; теперь человѣкъ въ лицѣ Богочеловѣка Іисуса Христа сѣдитъ въ славѣ на престолѣ Божества, какъ Богъ, какъ Царь міра, какъ Владыка всѣхъ тварей. Не чудо-ли это непостижимое? Не чрезвычайное-ли это благоволеніе Божіе къ роду человѣческому? Вѣдь, наше, бр. хр., естество теперь обоготворено и прославлено; вѣдь, мы грѣшные вошли теперь въ царство Божіе. То же самое о божественной славѣ нашей въ Іисусѣ Христѣ говоритъ намъ и св. апостолъ Павелъ: *Богъ, богатый въ милости, за премногую любовь свою, еюже возлюби насъ, сущихъ насъ мертвыхъ прегрѣшеньми сооживи Христомъ и съ нимъ воскреси и спосади на небесныхъ во Христѣ Іисусѣ.* (Еф. II, 4—6). Итакъ, не жалѣть и не скорбѣть нужно объ отшествіи отъ насъ Іисуса Христа на небо, но благодарить такую неизреченную милость Божію и принять ее съ величайшею радостію.

Но это славное обоженіе и вознесеніе смертнаго естества нашего на небо къ Господу Іисусу Христу для насъ не иначе возможно, какъ при содѣйствіи Св Духа. И, вотъ, Господь нашъ вознесся на небеса, чтобъ ниспослать намъ Духа Святаго со всѣми Его благодатными дарами: *уне вамъ есть*, говорилъ Спаситель, *да Азъ иду; аще бо не иду, Утѣшитель не пріидитъ къ вамъ; аще ли же иду, послю Его къ вамъ.* (Іоан. 16, 7). Правда, Духъ Святый былъ и прежде, говорилъ и дѣйствовалъ въ пророкахъ; но не было еще Его торжественнаго явленія въ мірѣ, не было еще изліянія Его на всѣхъ вѣрующихъ. Когда же вознесся Христосъ и *вниде славу свою*, вскорѣ затѣмъ и Духъ Святый явился въ видѣ огненныхъ языковъ, умудрилъ апостоловъ, поставилъ епископовъ, въ таинствахъ изливается на вѣрующихъ, наставляетъ насъ на молитву и на всяку истину, благодатно утѣшаетъ скорбящихъ, оживляетъ душевно умирающихъ. Такимъ образомъ, вознесшись на небо и ниспославъ намъ Духа Святаго, Спаситель Нашъ докончилъ начатое Имъ на землѣ дѣло. На землѣ Онъ совершилъ за насъ и для насъ великое дѣло нашего искупленія, котораго никто другой не могъ совершить. Оставалось, чтобы мы усвоили себѣ заслуги нашего Искупителя и облеклись въ Него, чтобъ дѣйствительно оправдались предъ Богомъ, возродились, очистились отъ грѣховъ, сдѣлались святыми и обожились со Христомъ. А это и совершается всесильною благодатію Св. Духа, котораго ниспослалъ нашъ Господь по вознесеніи и прославленіи Своемъ на небѣ.

Вознесеніе Господа Іисуса Христа на небо лучше для насъ и потому, что оно есть исполненіе другого утѣшительнаго и поучительнаго для насъ обѣтованія, выраженнаго Имъ предъ учениками своими въ той же предсмертной бесѣдѣ своей: въ дому Отца моего обители многи суть. *Иду уготовати мѣсто вамъ, да, идѣже есмь Азъ, и вы будете со Мною*: (Іоан. XIV, 1—3). Значитъ, чрезъ вознесеніе Іисуса Христа на небо въ тѣлесномъ видѣ и славѣ всѣ обители Отцы небеснаго сдѣлались для насъ доступными и открытыми. Ибо Онъ для того нисходилъ на землю, для того и вознесся на небо, чтобъ, при помощи благодати ниспосланнаго Имъ Духа Святаго, и насъ возвесть тудаже. Доселѣ небо было жилищемъ святыхъ и чистыхъ духовъ безплотныхъ; а теперь, по слѣдамъ вознесшагося Господа, воспарила туда, какъ чистая и непорочная голубица, Его и наша Пречистая Матерь; туда же взошли всѣ св. апостолы, туда восходятъ и всѣ святые угодники и избранники Божіи, своею богоугодною жизнію и подвигами пріобрѣтающіе себѣ право на наслѣдіе вѣчнаго блаженства. Туда,—въ страну вѣчности—отходятъ отъ земли всѣ наши родные и знаемые, окончательная участь которыхъ для насъ бываетъ еще неизвѣстна. Туда же въ страну невѣдомую и сокровенную, рано или поздо, только непремѣнно и неизбѣжно должны будемъ переселиться и всѣ мы. Итакъ, праздникъ вознесенія Іисуса Христа напоминаетъ намъ, что наше будущее вѣчное жилище—на небѣ, какъ говоритъ и св. апостолъ Павелъ,—*наше житіе на небесѣхъ есть* (Фил. III, 2); а потому для насъ теперь, съ одной стороны, весьма утѣшительно то, что Господь Іисусъ

Христосъ, согласно обѣщанію своему, пребываетъ съ божественною плотію своею не тамъ, гдѣ мы сами кратковременные пришельцы, а тамъ, куда стремится душа наша и гдѣ вѣчно жить надѣемся,—а съ другой стороны, значитъ, этотъ праздникъ напоминаетъ и внушаетъ намъ, что мы заблаговременно должны переноситься на небо умомъ и сердцемъ, чтобъ заранѣе ознакомиться съ нашимъ небеснымъ отечествомъ, заранѣе и достойнѣе приготовиться къ наслѣдію его. Ибо странно и страшно вдругъ явиться среди безчисленнаго множества лицъ безвѣстныхъ и незнакомыхъ, не безопасно предстать намъ среди сонма лицъ высшихъ и чистѣйшихъ съ своими грѣхами и нечистотами.

Что же дѣлать намъ, чтобъ дерзновенно явиться, послѣ смерти, въ Іерусалимъ небесный среди безчисленнаго сонма праведниковъ? Для этого каждому христіанину необходимо нужно, прежде и чаще всего прибѣгать съ своими духовными нуждами къ небу, т. е. Богу и святымъ Его, и оттуда искать и ждать себѣ благодатной помощи. Какъ въ земной обыкновенной жизни своей человѣкъ всего ожидаетъ и надѣется отъ неба, которое даетъ и солнце и звѣзды для освѣщенія и согрѣванія,—дожди и росу, громъ и молнію для благорастворенія воздуха и оплодотворенія земли; такъ и для духовнаго плодоносія христіанскихъ добродѣтелей и достойнаго приготовленія себя къ небесному царству мы должны возноситься и ждать себѣ помощи съ небесъ. Тамъ и оттуда сіяютъ на насъ Солнце Правды—Христосъ Богъ, Луна и звѣзды—Матерь Божія и св. угодники Его; оттуда, какъ роса животворная и дождь плодо-

носный, нисходитъ благодать Святаго Духа, все врачующая, укрѣпляющая и восполняющая всѣ недостатки и немощи наши. Тамъ молятся и ходатайствуютъ за насъ всѣ святые: поэтому и мы непрестанно должны возносить молитвы наши, въ особенности къ пречистой Богоматери, возсѣдающей тамъ одесную Сына своего, а потомъ къ св. Ангеламъ и духамъ праведниковъ, окружающихъ престолъ Вседержителя и наслаждающихся блаженствомъ, чтобъ молитвами ихъ сподобиться и намъ вмѣстѣ съ ними въ свое время насладиться тѣхъ великихъ и неизреченныхъ благъ, которыя приготовилъ Спаситель любящимъ Его.

Вообще, по смыслу нынѣшняго праздника, не скорбѣть и не жалѣть долженъ христіанинъ объ отшествіи Господа Іисуса Христа на небо, но тамъ искать для себя всего, туда непрестанно возноситься мыслію, туда стремиться желаніемъ и сердцемъ: ибо тамъ, а не на землѣ источникъ истинной радости, тамъ сокровище Его. Эту нравоучительную мысль настоящаго праздника подтверждаетъ своимъ наставленіемъ и св. апостолъ Павелъ: *аще воскреснусте со Христомъ, вышнихъ ищите, идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя.* (Кол. III, 1—2). Также и Святитель Тихонъ говоритъ: „Если, по апостолу, жилище наше на небесѣхъ есть, то живущему на земли „надобно умомъ и сердцемъ отлучиться отъ міра сего, переселиться на небо и тамъ скрывать сокровище свое.“ (Том. XII, стр. 131, изд. 1825 г.). Но какъ, спросятъ, оставить земныя дѣла, желанія и мысли, когда земное насъ окружаетъ, когда земное такъ необходимо для земной жизни? А развѣ мы не

имѣемъ образцовъ самоотверженія и непрестаннаго стремленія къ небу? Развѣ мы не знаемъ, что. св. апостолы, покинувъ домы и имущество, пошли въ слѣдъ за Христомъ и мужественно перенесли за свою проповѣдь о Немъ безчисленныя лишенія, труды, гоненія, муки и самую смерть? Не изумляемся-ли мы св. мученикамъ, которыхъ не могли отклонить отъ Христа ни отнятіе имущества, ни обольщенія со стороны мучителей, ни пытки и самыя безчеловѣчныя истязанія, ни всѣ виды смертей? Не благоговѣемъ-ли мы предъ высокими подвижниками христіанскими, удалявшимися въ глубокія пустыни и проводившими тамъ цѣлые десятки лѣтъ въ непрестанномъ постѣ и молитвѣ? Чѣмъ же водились и воодушевлялись эти люди? Не мыслію-ли о горнемъ отечествѣ своемъ, не любовію-ли къ Нему? *Не имамы здѣ пребывающаго града*, говорили они, *но грядущаго взыскуемъ* (Евр. XIII, 14), и потому не щадили никакихъ жертвъ, никакихъ трудовъ, не дорожили ни чѣмъ земнымъ, чтобъ только возвратиться на родину, въ отечество свое небесное. Если мы, по немощи своей, не можемъ въ такой мѣрѣ и степени подражать этимъ великимъ образцамъ любви и стремленія къ небу, то, по крайней мѣрѣ, заботы о земномъ не будемъ простирать далѣе предѣловъ необходимости, не будемъ всепреданными рабами нхъ; не будемъ примѣшивать земное къ тѣмъ дѣламъ, которыя должны отрѣшать насъ отъ него, какъ-то: къ молитвѣ, благотворительности, и проч. Всякое земное дѣло будемъ начинать и совершать съ мыслію о Богѣ и святыхъ Его, и тогда не только въ благочестивыхъ, но и въ обыкновенныхъ занятіяхъ мысль

наша невольно будетъ обращаться къ небу. Если не будемъ погружаться въ сонъ чувственныхъ удовольствій, то получимъ помощь и содѣйствіе Духа Божія, Который легкимъ и тихимъ дыханіемъ доведетъ насъ до спасительнаго онаго и радостнаго пристанища, *идѣже есть Христосъ, одесную Бога сѣдя*. Аминь.

Священникъ **Василій Маловскій**.

Еврейскіе пророки и языческія прорицалища *).

Изъ разсмотрѣнія болѣе извѣстныхъ и замѣчательныхъ оракуловъ Зевсовыхъ и другихъ боговъ мы видимъ, что обряды и способы, употреблявшіеся для узнанія воли оракуловъ, были весьма разнообразны и многочисленны. Но всѣ они отличаются большею матеріальностію и чувственною образностію; правда, въ нихъ замѣтна и внутренняя сторона—энтузіазмъ и воодушевленіе: они прислушивались нерѣдко къ внутреннему чувству,—но и эта напряженность чувства, вызванная таинственнымъ настроеніемъ и проявлявшаяся въ экстазѣ, часто болѣзненномъ, зависѣла отъ внѣшнихъ средствъ, иногда даже и приготовительныхъ. Оракулы ихъ, большею частію, устроялись въ подземныхъ пещерахъ, наполненныхъ удушливыми испареніями. Служители оракуловъ нерѣдко для большаго обольщенія народнаго суевѣрія обставляли пещеры и храмы различными чудовищными предметами, поражающими взоры и обольщающими воображеніе. Пророческій духъ возбуждал-

---

*) Продолженіе. См. № 10.

ся различными искусственными средствами: иногда особеннымъ свойствомъ воды, которая текла въ источникахъ, большею частію находившихся въ пещерахъ подлѣ оракуловъ; иногда подземными парами, которые были растворяемы различными душистыми и отуманивающими парами; иногда посредствомъ сна, во время котораго открывалась воля боговъ, въ сновидѣніяхъ; а для живости и разнообразія сновидѣній жрецы въ темнотѣ пещеры предварительно возбуждали воображеніе вопрошающаго лица разными хитростями. Въ иныхъ оракулахъ возвѣщалась воля боговъ посредствомъ шелеста и движенія листьевъ священныхъ деревъ, или посредствомъ полета надъ этими деревьями птицъ. Въ другихъ—посредствомъ жертвъ животныхъ, посредствомъ звука бубновъ и тазовъ или котловъ. Въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ кидали жребіи, которые предварительно клали въ священные сосуды. Во всякомъ случаѣ для возбужденія священнаго энтузіазма и пророчественнаго фанатизма частію нарочито избирали такія мѣста, которыя естественно къ тому располагали и возбуждали, а частію содѣйствовали къ тому различными и искусственными способами.

Что же касается до характера отвѣтовъ греческихъ оракуловъ, то вообще всѣ они отличались темнотою, неопредѣленностію, двусмысленностію и пристрастіемъ. Цицеронъ о знаменитѣйшихъ оракулахъ Аполлона говоритъ такъ: „прихожу къ тебѣ святой Аполлонъ; ибо Хризиппъ цѣлые листы наполнилъ твоими оракулами, частію, я думаю, ложными, частію случайно истинными, какъ бываетъ весьма часто во

всякомъ моленіи, частію неопредѣленными и темными, такъ что для толкователя-то нуженъ толкователь, и на жребій нужно бросать новый жребій, отчасти двусмысленными и такими, которые ведутъ только къ спорамъ *). Совершенно также разсуждаетъ и Луканъ **). О лицепріятіи и пристрастіи оракуловъ греческихъ свидѣтельствуютъ многіе опыты. Такъ пиѳія была подкуплена Филиппомъ Македонскимъ и подала поводъ Демосѳену сказать, что дельфійскій оракулъ φιλιππιζει, т. е. говорилъ въ пользу Филиппа Македонскаго. Лукіанъ (Alex. 19) также свидѣтельствуетъ, что прорицатель Амфилохъ въ Киликіи много лгалъ и всего только за два обола Въ книгѣ Дѣяній (16, 16) повѣствуется также, что въ Филиппахъ апостолы видѣли служанку, имущую духъ пытливый (πνενμα πυθωνος), которая доставляла много прибыли своимъ господамъ, μαντευομενη, волх-

---

*) De Divinat. lib. 11, cap. 56.

**) Луканъ говоритъ: справедливо Аполлонъ ты хвалишь тѣхъ, которые говорятъ ясно и вразумительно, хотя этого по обыкновенію и не усматриваешь въ твоихъ оракулахъ; и что ты произносишь неясно и двусмысленно, то большею частію (служители—жрецы) отлагаютъ до другого времени, чтобы слушатели для уразумѣнія непонятнаго нуждались въ другой пиѳіи. Примѣръ двусмысленности языческихъ прорицаній можно указать на слѣдующее предсказаніе, данное Пирру: Ajo te, Aeacida, Romanis vincere posse, или другое предсказаніе, данное Крезу: si bellum Croesus gereret, cum magnum regnum eversarum. См. Jahn introd. in liber. Sacr. v F. edit sec pag. 276. 277.

вующи, какъ переведено у насъ. На основанiи всего сказаннаго объ оракулахъ можно легко убѣдиться въ томъ, что за сила дѣйствовала въ греческихъ прорицалищахъ, гдѣ внутренний источникъ ихъ отвѣтовъ?..

Одушевленiе мантиковъ было и по мнѣнiю древнихъ образованныхъ язычниковъ слѣдствiемъ возбуждающихъ матерiальныхъ средствъ, которыми они приготовляли себя къ вопрошенiю боговъ (De divinat. 1, 19). Цицеронъ говоритъ: terrae vis pythiam incitabat, naturae ibyllam. По мнѣнiю Плутарха, энтузiазмъ происходилъ чрезъ нѣкоторое измѣненiе въ организмѣ человѣка (κρασει και διαθεσει του σωματος), а это измѣненiе отъ дѣйствiя земли на тѣло. Какъ вообще, говоритъ, многiя влiянiя на тѣло происходятъ отъ земли, такъ равно находящiйся въ ней токъ (fluidium) производитъ мантическое воодушевленiе. Это же происходитъ, прибавляетъ онъ, отъ воздуха и влаги, дѣйствующихъ на душу, какъ пламя на металлъ, это же происходитъ отъ паровъ вина, проникающихъ въ мозгъ. (Plutarch. d. def oracul cap. 5).

Сужденiя отцевъ и учителей Церкви объ этомъ предметѣ (напр. Кирилла Iерусалимскаго, Григорiя Богослова, Златоуста, Климента Александрiйскаго и др.) также извѣстны. Озаренные свѣтомъ небеснаго откровенiя, ревностные пастыри и провозвѣстники христiанства, силою своего богопросвѣщеннаго ума и помазанiя свыше глубоко и истинно были убѣждены, что всѣ вообще языческiе оракулы, слѣдовательно и греческiе были—не что иное, какъ плодъ влiянiя демонскаго, какъ изобрѣтенiе духовъ злобы.

По мнѣнію Кирилла Іерусалимскаго *), оракулы— ложь и вмѣстѣ дѣло демоновъ. А св. Григорій Богословъ **) называетъ трофоніевы предсказанія изъ-подъ земли—обманами, а пророчество дельфійскаго оракула съ треножникомъ—обоюдными и двусмысленными, даръ же предвѣдѣнія у Кастильскаго источника—даромъ этихъ водъ. Св. Златоустъ разсуждаетъ такимъ же образомъ о пиѳіи и ея вдохновеніи подъ вліяніемъ паровъ, выходившихъ изъ-подъ треножника, на которомъ она сидѣла, допуская вліяніе и духовъ злобы въ изступленныхъ пророкахъ и пророчицахъ. А Климентъ Александрійскій въ языческихъ чудотворцахъ и пророкахъ видитъ возбужденіе отъ демоновъ посредствомъ воды и куреній или воздуха съ особыми свойствами и составомъ, признаетъ также возможность явленія имъ призраковъ, подъ вліяніемъ демоновъ ***). Въ настоящее время, по мнѣнію физіологовъ и психологовъ, всѣми вышеупомянутыми средствами, которыми пользовались мантики для своего вдохновенія, можно искусственнымъ образомъ вызвать экстазъ.

Явленія такого искусственнаго экстаза обыкновенно причисляются къ области явленій сомнамбулизма и магнетизма. Состояніе пиѳіи, говоритъ Толюкъ, есть несомнѣнно сомнамбулическое; сны въ храмахъ и при оракулахъ эскулапа также сомнамбулическіе. Подъ какой бы, впрочемъ, рядъ физическихъ и пси-

---

*) Catheches. IV.

**) Слово на св. Свѣты явленій Господнихъ.

***) Stromat. lib. 1. 21. p. 163. Cohort. ad Jentes. IV. 95.

хическихъ болѣзней ни подводили явленія мантизма, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію то, что экстазъ мантиковъ былъ продуктомъ болѣзненнаго состоянія тѣла и разстройства правильныхъ отношеній психическихъ силъ къ воспріятіямъ чувственныхъ органовъ. И это разстройство, отражаясь на психической сторонѣ человѣка, вызывало къ особенной дѣятельности только нисшія способности—инстинктъ и фантазію. Только этимъ и можно объяснить тѣ необычайныя предсказанія мантиковъ и особенную ясность ихъ видѣній будущаго, которыя не имѣютъ мѣста въ здравомъ органически—психическомъ состояніи человѣка. Всѣ эти ясновидѣнія мантиковъ и ихъ поразительныя дѣйствія скорѣе говорятъ о такомъ состояніи ихъ, когда они именно жили одною животною жизнію, подчиняясь вліянію однихъ лишь инстинктивныхъ побужденій и предчувствій и тѣмъ напоминая вполнѣ животныхъ, которымъ инстинктъ подсказываетъ больше того, что можетъ предусмотрѣть человѣкъ путемъ сознательнаго размышленія.

Что, дѣйствительно, экстазъ мантиковъ былъ явленіемъ болѣзненнымъ, условливаемымъ прекращеніемъ дѣятельности мозговой нервной системы и соединенныхъ съ нею высшихъ способностей души, ясно доказывается тѣмъ, что, по свидѣтельству языческихъ же писателей, мантики въ экстазѣ теряли всякое сознаніе, всякое пониманіе вещей и по прекращеніи экстаза не помнили случившагося съ ними. Платонъ говоритъ: „богъ восхищаетъ умъ мантиковъ, чтобы мы, слушая ихъ, знали, что не они говорятъ, поелику въ нихъ ума своего нѣтъ, но самъ богъ

говоритъ, пользуясь ихъ голосомъ". На этомъ основаніи мантики и назывались insani vates, μαινομενοι.

Поэтому же, конечно, изреченія ихъ, какъ рѣчи неистовствующихъ, лишенныя яснаго смысла, требовали особыхъ толкователей (προφητης), на которыхъ лежала обязанность, какъ мы сказали выше, темную рѣчь мантиковъ дѣлать ясною и понятною. Цицеронъ говоритъ: „Аполлонъ невольно заставляетъ безумныхъ изрекать"; поэтому мантики по отношенію къ богамъ представлялись какъ матерія (υλη), которую боги приводили въ движеніе или какъ инструментъ, на которомъ боги издавали звуки (ψυχη οργανον θεου γεγονεν). Личность мантиковъ, ихъ я, такъ стѣснялась во время экстаза, что по Цицерону „deus inclusus corpore humano jam non cassandra loquitur. По прекращеніи экстаза, мантики не помнили ими сказаннаго: σιβυλλα αμα τη επιπνοια ενεπαυσατο η των λεχθεντων μνημη.

А. У.

ДУХОВНЫЕ ЖУРНАЛЫ.

„*Христіанское Чтеніе*". Мартъ и апрѣль. „Послѣднія философскія и христіанское—воззрѣнія на жизнь", Ѳ. Г. *Тернера* *). Разсматривая во второмъ чтеніи философію безсознательнаго Гартмана и опредѣляя значеніе этой философіи, авторъ въ третьемъ чтеніи переходитъ къ разсмотрѣнію христіанства какъ высшаго синтеза истиннаго оптимизма и разумнаго пессимизма. Теорія Гартмана есть въ сущности ком-

---

*) См. Еп. В. № 6.

бинація теоріи воли Шопенгауера съ идеями Шеллинга о безсознательномъ. Шопенгауеръ признаетъ только одно метафизическое начало—волю. Гартманъ на это возражаетъ, что воля не можетъ существовать безъ представленія цѣли воленія,—не льзя хотѣть того, что не представляется. Вслѣдствіе этого Гартманъ признаетъ представленіе, идею такимъ же метафизическимъ началомъ міра, какъ и волю. Но какъ воля, такъ и представленіе, въ качествѣ міровыхъ началъ, безсознательны. Сознаніе является только въ человѣкѣ при посредствѣ мозга. Признавая Всесущій міровой духъ *безсознательнымъ*, Гартманъ объясняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ считаетъ безсознательное гораздо выше сознательнаго. Онъ называетъ міровой духъ *ясновидящимъ*, *всемудрымъ*, *справедливымъ*, *всевѣдущимъ*. Объясняя это парадоксальное положеніе о превосходствѣ безсознательнаго предъ сознательнымъ, Гартманъ обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что значительная часть безсознательныхъ дѣйствій происходитъ съ большею точностію исполненія и правильностію, чѣмъ сознательная. Вы ходите совершенно удовлетворительно, но попробуйте обдумывать сознательно каждый шагъ, и ваше хожденіе сдѣлается колеблющимся, не вѣрнымъ; такая же точность проявляется во всѣхъ безсознательныхъ, инстинктивныхъ дѣйствіяхъ животныхъ. Къ чему же ведетъ ясновидящее безсознательное человѣчество, все направляя, всѣмъ руководя. Когда мы сравниваемъ удовольствіе и страданіе въ разныхъ проявленіяхъ, при различныхъ условіяхъ, то насъ вездѣ поражаетъ преобладаніе страданія. Дружба, любовь, семейное счастіе во-первыхъ достигаются

только путемъ долговременныхъ лишеній, а затѣмъ наслажденіе, доставляемое ими, огорчается, портится заботами и разочарованіями. Удовольствія общественной жизни сами по себѣ не производительны, онѣ даютъ наслажденія минутныя; честолюбіе приводитъ къ неудачамъ, надежда—къ разочарованію, религіозное воодушевленіе нераздѣльно отъ страха и сомнѣнія, однимъ словомъ всюду—процентъ страданій превышаетъ сумму ожидавшагося счастія. Всю исторію человѣчества, по мнѣнію Гартмана, можно раздѣлить на три періода. Первый періодъ представляетъ прямое исканіе лично для себя радости, наслажденія въ этой жизни. Эта—первая ступень самообольщенія человѣчества, включающая до-христіанскій міръ. Второй періодъ самообольщенія заключается въ христіанской надеждѣ—найти радость и блаженство въ будущей, загробной жизни. Затѣмъ, когда человѣчество перешагнетъ и чрезъ эту ступень, ему останется еще послѣдній періодъ самообольщенія—исканіе счастія и блаженства въ видѣ содѣйствія благосостоянію общества, основываясь на надеждѣ, что человѣчество постоянно подвигается на пути къ прогрессу. Но и эта послѣдняя иллюзія также распадется въ прахъ при столкновеніи съ дѣйствительностію. Но какимъ же образомъ ясновидящее безсознательное допустило подобный порядокъ въ мірѣ? Прежде существованія міра въ лонѣ безсознательнаго почивали воля и представленіе, соединенныя въ ненарушенной гармоніи покоя. Еслибы оба эти элемента постоянно пребыли въ покоѣ, то не было бы создано міра, не существовало бы и страданія. Но безразумная, алогическая воля,

послѣдовавъ слѣпому стремленію къ дѣйствію, вырвавшись изъ единенія съ идеей въ гармоніи покоя, осуществила изъ возможности дѣйствительность конечныхъ существъ. Въ тотъ же моментъ въ безсознательномъ проснулась идея, но было уже поздно: первый толчекъ творенію данъ, оставалось только направить его къ разумной цѣли. Такимъ образомъ, идя путемъ индукціи, изучая жизнь, мы пришли къ заключенію, что эта жизнь всегда представляетъ избытокъ страданія; взглянувъ, затѣмъ, на вопросъ дедуктивно, мы приходимъ къ заключенію, что міръ, какъ актъ вызванный моментомъ, когда воля была безразумною, алогическою,—не можетъ быть хорошъ по своему существу. Въ виду подобнаго результата разумною цѣлію всей жизни, очевидно, можетъ быть только „самоуничтоженіе“ міра. „Для достиженія этой цѣли безсознательное даровало людямъ *сознаніе*, которое есть возможность эмансипаціи интелекта отъ воли“.

Опредѣляя, затѣмъ, ошибочную сторону ученія Гартмана о безсознательномъ, авторъ говоритъ, что вся ошибка здѣсь заключается въ смѣшеніи *непосредственнаго* съ безсознательнымъ. Люди привыкли подводить всѣ разумныя дѣйствія человѣка подъ категорію явленій, находящихся въ связи съ логическимъ разумомъ человѣка, въ связи съ тѣмъ понятіемъ, которое человѣкъ составляетъ себѣ о нихъ предварительно, посредствомъ логической аргументаціи. Но въ нашей жизни существуетъ цѣлый рядъ разумныхъ дѣйствій, обходящихся безъ посредста аргументативной логической подготовки въ нашемъ умѣ,—такія дѣйствія называются *непосредственными*. Мы, напр., изливаемъ нашу рѣчь въ опредѣленные звуки, не заботясь, повидимому, о томъ, какъ слагать

ротъ и гортань, чтобы произносить ихъ. Піанистъ какъ-бы непосредственно переноситъ свои мысли въ звуки, онъ до того овладѣлъ механизмомъ руки и инструмента, что мысль, повидимому, непосредственно переносится въ реальную форму звука. Еще высшая непосредственность проявляется въ области мысли. Въ области науки мы нуждаемся въ логическо-аргументативной работѣ, мы переходимъ отъ мысли къ заключенію и т. д. Но иногда въ насъ какъ-бы блеснетъ мысль, которая непосредственно ударяетъ въ цѣль, перескакивая чрезъ весь логическій механизмъ; нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ открытій науки обязаны своимъ происхожденіемъ этой вдохновенной непосредственности. Всѣ подобныя дѣйствія нельзя назвать *безсознательными.* Кажущаяся безсознательность происходитъ только отъ той быстроты, съ которою мысль говорящаго или играющаго дѣйствуетъ на подвластный ей механизмъ и съ которою она сама переходитъ отъ одного элемента къ другому, такъ что, производя настоящее понужденіе на свое матеріальное орудіе, она уже забыла о предшествующемъ, одно слѣдуетъ за другимъ съ быстротою электрической искры.—Вообще, Гартманова теорія міросозданія поражаетъ на первый взглядъ—съ одной стороны грандіозностію и остроуміемъ выдумки, а съ другой—колоссальностію той несообразности, къ которой она окончательно приходитъ. Эта теорія не представляетъ, однако, безусловно оригинальнаго вымысла; въ основной идеи она близко подходитъ къ теоріи міросозданія, которую въ первое время христіанства развила гностическо-философская школа Презрительное отношеніе почитающихъ себя мул-

рыми міра сего къ христіанству есть явленіе далеко не новое. Это не помѣшало, однако, христіанству пережить вотъ уже болѣе полторы тысячи лѣтъ гностическое ученіе, которое совершенно забыто. Заключая обозрѣніе двухъ философскихъ направленій— оптимизма и пессимизма, авторъ говоритъ: „какъ оптимизмъ такъ и пессимизмъ имѣютъ, однако, глубокое основаніе въ нашей внутренней духовной жизни. Вся ошибка этихъ воззрѣній заключается въ ихъ односторонней исключительности. Оптимизмъ отвѣчаетъ той *потребности идеала*, стремленія къ лучшему, которая вложена въ наши сердца. Съ другой стороны, пессимизмъ точно также оправдывается существующими въ мірѣ зломъ и грѣхомъ, безнравственностію и страданіями... Христіанство только является высшимъ синтезисомъ, соединяющимъ эти двѣ противоположности, т. е. истинный, разумный оптимизмъ—какъ *цѣль, представляющуюся въ будущемъ*,— съ истиннымъ разумнымъ пессимизмомъ, какъ вопросомъ настоящей жизни".

Чтеніе третье. Увѣренность въ вѣчной жизни составляетъ основаніе всего христіанскаго міровоззрѣнія. Къ признанію загробной жизни приводитъ насъ естественное чувство и простая логическая послѣдовательность. Существенное отличіе человѣка отъ животнаго заключается во врожденномъ ему всестороннемъ стремленіи къ усовершенствованію. Животное обладаетъ тѣломъ вполнѣ приспособленнымъ къ цѣли его жизни; въ умственной жизни оно обладаетъ безошибочнымъ инстинктомъ. Совсѣмъ въ другое положеніе поставленъ человѣкъ. Тѣло его несовершенно, недокончено и на него самого возложена

забота докончить недостающее. Онъ принужденъ прикрывать свое тѣло одеждою, создавать себѣ оружіе для защиты и орудія для производства. Въ духовно-умственной жизни человѣкъ лишенъ безошибочности инстинкта животныхъ, онъ всегда стремится къ усовершенствованію,—онъ ищетъ идеала. Еслибы задача человѣка была ограничена круговоротомъ настоящей жизни, то характеръ присущихъ ему стремленій находился бы въ крайней несоразмѣрности съ достижимыми для него результатами. Никакое существо не стремится по природѣ своей *къ абсолютно тщетному*, потому что его стремленія направляются природой всегда на достижимое. Имѣемъ ли мы основаніе считать человѣка печальнымъ исключеніемъ въ природѣ?—Іисусъ Христосъ и Его ближайшіе ученики—апостолы придавали въ высшей степени важное значеніе увѣренности христіанина въ вѣчной жизни (Іоан. 12, 50. 1 Кор. 15, 3—8, 12—14). Для апостоловъ вѣра въ вѣчную жизнь превратилась въ благодатное знаніе, ихъ непоколебимая вѣра въ вѣчную жизнь утверждалась на фактѣ воскресенія Христа. Съ точки зрѣнія исторической критики самый фактъ воскресенія Христа и Его посмертное явленіе ученикамъ, при всей недоступности для нашего пониманія существа подобнаго происшествія, представляется съ логическою необходимостію *положительнымъ фактомъ*. Сомнѣнія, возбуждаемыя въ человѣкѣ вопросомъ о вѣчной жизни, возникаютъ совсѣмъ не изъ трудности или невозможности мыслить вообще продолженіе нашего существованія за гробомъ; эти сомнѣнія возникаютъ исключительно изъ невозможности представить себѣ то, чѣмъ это

загробное существованіе можетъ быть. Поставленные въ извѣстныя условія жизни, находясь въ полной зависимости отъ нашихъ чувствъ, мы, очевидно, лишены возможности составить себѣ какое-нибудь представленіе о томъ, что насъ ожидаетъ по смерти, т. е. въ чемъ будетъ состоять сверхчувственное бытіе. Вотъ почему въ нашей душѣ происходитъ постоянная борьба между вліяніемъ и дѣйствіемъ на насъ духовныхъ и умственныхъ доводовъ и вліяніемъ повсюду окружающей насъ матеріальной и чувственной видимости. Но именно потому, что мы понимаемъ причину этихъ сомнѣній, они не должны ни смущать насъ, ни колебать нашей вѣры. Въ чемъ же христіанство видитъ цѣль и значеніе жизни человѣка? Цѣлію жизни можетъ быть только то, что *должно быть*, это нѣчто называется обыкновенно добромъ, благомъ; но относительно вопроса, что такое добро, въ чемъ заключается благо,—существуетъ весьма большое различіе мнѣній. Для однихъ эта цѣль заключается въ нравственномъ усовершенствованіи, для другихъ—съ утилитарной точки зрѣнія—въ счастіи. Христіанство объединяетъ эти цѣли въ понятіи *общенія съ Богомъ*, какъ источникомъ всякаго совершенства и всякаго блага; христіанство говоритъ, что въ достиженіи цѣли, т. е. высшаго совершенства, въ единеніи съ Богомъ человѣкъ находитъ и высшее блаженство. Съ понятіемъ общенія съ Богомъ тѣсно связано понятіе объ уподобленіи человѣка Богу, понятіе, служащее залогомъ вѣчнаго прогресса: *„Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“*, сказалъ Христосъ своимъ ученикамъ (Мѳ. 5, 48). Достигатя такого нравственнаго совер-

шенства и соединеннаго съ нимъ блаженства для человѣка возможно только въ будущей жизни; въ настоящей жизни важенъ не столько внѣшній фактически достигнутый результатъ, сколько внутреннее настроеніе души; настоящая жизнь—эта подготовительная ступень, на которой полагаются зачатки того совершенства, которое ведетъ къ вѣчному блажеженству. Смерть не прекращаетъ начатаго дѣла; никакое внѣшнее проявленіе или дѣйствіе не можетъ насильственно и противъ нашей воли не можетъ нарушать процессъ полнаго нравственнаго развитія. Отъ насъ самихъ зависитъ, чтобы счастіе и несчастіе, печаль и радость, страданіе и наслажденіе,—все это обращалось въ пользу нашей внутренней жизни, на пользу нашего нравственнаго развитія и усовершенствованія. Наука, искусство, промышленность получаютъ существенное значеніе только въ той мѣрѣ, поскольку они служатъ дѣлу нравственнаго развитія человѣчества. Нѣтъ такого полезнаго дѣла, въ которомъ бы человѣкъ не служилъ истинѣ и добру. Въ этомъ смыслѣ мы должны дѣйствовать ежедневно, ежечасно, ежеминутно; всякій достигнутый результатъ долженъ служить намъ только поощреніемъ къ достиженію дальнѣйшаго. Такимъ образомъ, цѣлію христіанской жизни является постоянный прогрессъ, въ видѣ постояннаго стремленія къ высшему совершенству, идеалу, прогрессъ, который безъ попущенія нашей воли ничѣмъ не можетъ быть прерванъ и на который даже самая смерть не имѣетъ дѣйствія.

Выясняя затѣмъ христіанскій взглядъ на происхожденіе и существованіе въ мірѣ зла, авторъ кри-

тически разсматриваетъ ученіе детерминистовъ, отрицающихъ человѣческую свободу. Зло, по христіанскому взгляду, не есть необходимое условіе добра, оно не составляетъ необходимаго элемента міра. Зло не имѣло мѣста въ актѣ творенія міра; какъ матерія, такъ и человѣческое естество сами по себѣ не могутъ быть причиною зла, но человѣческая свободная воля внесла зло въ міръ, отклонившись отъ воли Бога,—первоначально зло нравственное, а за нимъ послѣдовало и зло физическое. Только съ признаніемъ причины зла въ актѣ самоопредѣленія сотвореннаго существа становится понятнымъ, разумнымъ и возможнымъ стремленіе человѣческой воли къ борьбѣ противъ зла. Ни оптимисты, ни пессимисты не могутъ логически поощрять человѣка на борьбу противъ зла, потому что въ глазахъ однихъ зло не не есть зло, а потому и не представляется настоятельной необходимости бороться противъ него; пессимисты же, признавая зло, но видя въ немъ роковой моментъ, обусловленный самымъ твореніемъ міра, не могутъ не считать тщетными всякихъ человѣческихъ усилій на борьбу противъ зла. Разсматривая побудительныя причины дѣйствій человѣка, мы находимъ двоякаго рода причины, опредѣляющія эту дѣятельность. Съ одной стороны, всѣ наши дѣйствія совершаются постоянно подъ вліяніемъ разныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ побужденій, посторонніе факты и происшествія, дѣйствія другихъ лицъ, наше воспитаніе, нашъ характеръ—все это обусловливаетъ нашъ образъ дѣйствія. Но, съ другой стороны, при нормальномъ состояніи нашего ума мы столь же несомнѣнно признаемъ вмѣняе-

мость нашихъ дѣйствій и, слѣдовательно, признаемъ нашу свободу воли и дѣйствія. Какъ же согласить понятіе отвѣтственности съ понятіемъ о постоянномъ вліяніи на насъ посторонних импульсовъ? Объяснить это возможно только принимая свободу въ видѣ *свободы выбора*; изъ многихъ скрещивающихся въ человѣкѣ побужденій онъ имѣетъ возможность давать перевѣсъ одному надъ другими, т. е. имѣетъ возможность выбора. При каждомъ дѣйствіи, при каждомъ поступкѣ человѣкъ какъ бы становится на распутьи двухъ дорогъ. Онъ не можетъ создать новой дороги, его свобода дѣйствія ограничена въ данный моментъ извѣстными дорогами. Но и въ этомъ ограниченномъ видѣ наша свобода, какъ свобода выбора, встрѣчаетъ еще новыя стѣсненія въ томъ, что самый выборъ этотъ обусловливается большею частію прошедшими обстоятельствами: полученнымъ нами воспитаніемъ, вліяніемъ окружающей насъ среды, наконецъ нашимъ характеромъ. Теперь, возьмемъ-ли мы случай простаго выбора между двумя побужденіями, возьмемъ-ли случай выбора опредѣляемаго настроеніемъ, характеромъ человѣка—въ томъ и другомъ случаѣ остается послѣдній актъ человѣческой воли, выбирающій между суммою тѣхъ или другихъ побужденій. Непосредственно рѣшиться сдѣлать то или другое, или въ борьбѣ съ различными побужденіями прибавлять доводы въ одну чашку вѣсовъ, чтобы она перевѣсила,—что это такое, какъ не актъ полнаго произвола личности, т. е. дѣйствіе абсолютное, дѣйствіе не имѣющее, повидимому, причины? Въ этомъ заключается главное возраженіе детерминизма противъ ученія о свободѣ

воли. Принимая свободу воли, говорятъ, необходимо допустить *безпричинность*, а допускать начало безпричинности въ мірѣ, значитъ допускать хаосъ, отказаться отъ науки, которая вся основана на изученіи причинъ и слѣдствій. Отвѣчая на указанные доводы детерминистовъ, авторъ говоритъ: „дѣйствіе абсолютное, ни отъ чего не зависяще, есть дѣйствіе *творческое*. Но откуда же у человѣка можетъ явиться эта творческая сила, заключающая въ себѣ начало абсолютное? Она можетъ, очевидно, исходить только отъ единаго существа, которое абсолютно во всѣхъ отношеніяхъ и которое имѣетъ причину въ самомъ себѣ, т. е. отъ Бога, отъ источника всякой жизни, отъ первопричины. Утверждать свободу воли значитъ потому утверждать творчество, значитъ принимать теизмъ. Свободный человѣкъ, какъ творящее существо—или самъ Богъ или имѣетъ эту силу отъ Бога,—другого объясненія нашей свободы воли быть не можетъ“.—Понятно послѣ этого, что вопросъ о свободѣ воли неразрывно связанъ съ вопросомъ о теизмѣ. Всѣ попытки позитивизма рѣшить вопросъ о человѣческой свободѣ внѣ вопроса о теизмѣ, т. е. оставляя послѣдній въ сторонѣ, должны непремѣнно рушиться.

„*Государство и общество по законамъ Моисея*“.—*Лопухина*.—Начало, лежавшее въ основѣ государства, учрежденнаго закономъ Моисея,—говоритъ авторъ,— есть самое общее, возвышенное начало, какое только возможно для человѣческаго общества—именно верховное главенство Іеговы, примѣряющее крайности господства и подчиненія. Главная цѣль учрежденія такого царства Іеговы есть сохраненіе идеи

монотеизма. Чтобы сохранить истинное ученіе о Богѣ, Іегова заключаетъ съ народомъ договоръ; въ силу этого договора Іегова,—Царь всей земли, становится преимущественно царемъ израильскаго народа, получаетъ верховную власть надъ нимъ, даетъ ему законъ, постановленія котораго народъ обязывается принять и свято сохранять. Совокупность отношеній Іеговы къ избранному народу есть „теократія". Теократія не есть какая-либо особенная форма государственнаго управленія въ противоположность монархіи, олигархіи или демократіи, а служитъ только выраженіемъ особаго рода отношеній Іеговы къ народу, какъ избранному, отношенія, выражающагося въ верховномъ главенствѣ Іеговы надъ народомъ посредствомъ обязательства исполнять договоръ и законъ. Теократія это—принципъ, дающій общую норму общественной жизни, сообразуясь съ которой народъ имѣлъ полную свободу развитія и могъ выработать изъ себя, по своимъ потребностямъ, историческимъ обстоятельствамъ и условіямъ, всѣ частныя формы государственной жизни. Сущность государственности древнихъ народовъ состояла въ непримиримомъ раздѣленіи правителей и подчиненныхъ, выразившемся въ раздѣленіи народа на касты, причемъ одни пользовались всѣми правами въ юридическомъ и экономическомъ отношеніи, другіе, напротивъ, являлись безправными орудіями первыхъ. Такая несправедливость не имѣла мѣста въ теократическомъ государствѣ, гдѣ всѣ члены одинаково подчинены верховному Царю—Іеговѣ, слѣдовательно всѣ предъ Нимъ равны, а отсюда—всѣ они должны имѣть одинаковыя права въ учрежденномъ

ими самими государствѣ, всѣ они должны быть *равны*. Принципъ равенства распространяется на всѣ частныя отношенія гражданъ—экономическое, соціальное и политическое. Въ основу экономическаго благосостоянія своего государства Моисей положилъ земледѣліе. Такой выборъ принадлежитъ скорѣе самому законодателю, чѣмъ народу, который въ предъидущей исторіи былъ кочевникомъ—скотоводомъ. Побужденіемъ къ такому выбору для законодателя служили какъ географическія условія страны, такъ и высшія государственныя соображенія. Палестина въ древности отличалась необыкновеннымъ плодородіемъ; для государственныхъ цѣлей земледѣліе представляетъ несравненно больше выгодъ, чѣмъ скотоводство: оно развиваетъ любовь къ труду,—этому главному рычагу общественнаго развитія; привязываетъ человѣка къ обитаемой землѣ и тѣмъ, с одной стороны, дѣлаетъ возможнымъ установленіе опредѣленныхъ началъ гражданственности, а съ другой—развиваетъ любовь къ странѣ или патріотизмѣ, составляющій душу государства. Такъ какъ по завѣту съ Іеговою весь народъ получилъ въ свое владѣніе землю обѣтованія, то естественно—всѣ члены государства должны были равно пользоваться землею; здѣсь не должно было быть ни произвольныхъ захватовъ, ни узаконенныхъ преимуществъ однихъ предъ другими. Законодатель раздѣлилъ землю между израильтянами *поровну;* за единицу дѣленія земли были приняты, повидимому, только крупныя коллективныя единицы народа—колѣна и племена, но самый раздѣлъ производился такъ, что какое колѣно многочисленнѣе, то и земли получало больше,

такъ что каждый израильтянинъ, какъ глава частнаго хозяйства, могъ получить полный, равный участокъ земли. Избѣгая накопленія недвижимой собственности и богатствъ въ однихъ рукахъ и—происходящаго отсюда обозземленія и бѣдности другихъ, законодатель постановилъ, что каждый израильтянинъ могъ продавать свой участокъ земли только до опредѣленнаго срока, до юбилейнаго года (установленнаго на каждыя 50 лѣтъ), въ который проданный участокъ опять возвращался первому владѣльцу, чѣмъ и востановлялось равенство по землевладѣнію. При равенствѣ въ экономическомъ отношеніи всѣ члены государства пользовались равенствомъ предъ закономъ. Въ этомъ государствѣ не было кастъ, составляющихъ вопіющее нарушеніе правъ личности, когда одни считаются какъ бы рожденными для власти и богатства, а другіе—рожденными для рабства и нищеты. „Законъ одинъ и одни права, говоритъ законодатель, да будутъ для всѣхъ и для пришельца, живущаго у васъ". Законъ одинаково защищалъ права всѣхъ; господинъ, который дурно обращался съ своимъ рабомъ, терялъ всякое право на него; родители не имѣли права на жизнь своихъ дѣтей, и власть отца, въ противоположность римскимъ законамъ, была ограничена до того, что онъ не могъ даже по своему произволу распорядиться наслѣдствомъ. Въ государствѣ Моисея нѣтъ не только кастъ, но нѣтъ даже дѣленія на сословія въ смыслѣ привиллегированныхъ и непривиллегированныхъ классовъ. Правда, особымъ сословіемъ въ этомъ государствѣ является классъ священниковъ и левитовъ, но права и привиллегіи священниковъ

относятся исключительно къ религіозной области, а отнюдь не къ соціальной или политической. Съ равенствомъ правъ въ государствѣ необходимо связывается равенство обязанностей по отношенію къ нему. Первая и главнѣйшая обязанность по отношенію къ государству есть обязанность охраненія государства, отсюда воинская повинность есть важнѣйшая и въ тоже время тяжелѣйшая изъ государственныхъ повинностей. Въ Моисеевомъ государствѣ справедливое распредѣленіе ея, благодаря простотѣ соціальныхъ отношеній, было просто: такъ какъ всѣ члены одинаково пользовались правами, даваемыми государствомъ, то, конечно, всѣ должны были защищать и охранять его. Отсюда принципъ всеобщей воинской повинности: ей подлежалъ каждый израильтянинъ отъ 20 лѣтъ и выше (Числ. 1, 3. 26, 2). Наряду съ воинскою повинностію стоитъ другая повинность, налагаемая обязанностію поддержанія и сохраненія внутреннихъ учрежденій въ государствѣ,— податная повинность. Въ Моисеевомъ государствѣ и эта повинность не налагалась исключительно на одинъ какой-либо классъ людей, а одинаково простиралась на всѣхъ членовъ государства. Къ этого рода повинности принадлежала, прежде всего, такъ—называемая выкупная подать, которую платилъ каждый „поступающій въ исчисленіи", т. е. въ списокъ годныхъ къ войнѣ (Числ. 1, 2 и 3). Далѣе слѣдуетъ десятина отъ всѣхъ плодовъ, поступавшая въ пользу левитовъ (Числ. 18, 21) и—другая десятина „отъ всего произведенія сѣмянъ", вина и елея, крупнаго и мелкаго скота. Всѣ подобныя повинности были одинаково обязательны для всѣхъ, тамъ не суще-

ствовало раздѣленія народа на податныхъ и не податныхъ.

Въ названной книжкѣ „Хр. Чт." помѣщается отчетъ о состояніи С.-Петербургской духовной академіи и рѣчь, произнесенная на годичномъ актѣ этой академіи: „*Лингвистическія основанія различія языковъ человѣческихъ*", Е. И. *Ловягина*. Въ приложеніи печатается продолженіемъ „*Толкованіе на Ветхій Завѣтъ*", П. С. *Якимова*.

Голосъ сельскаго священника по поводу напечатанной въ № 86-мъ „Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" корреспонденціи изъ Казани.

Въ названной корреспонденціи высказывается огульное, но совершенно напрасное нареканіе на дѣятельность современнаго духовенства. Рѣчь идетъ о причинахъ, вызвавшихъ послѣднія внутреннія событія. Соглашаясь съ тѣмъ, что, если бы у насъ была крѣпка вѣра, тогда не было бы такихъ злодѣевъ, которые простираютъ свои убійственныя руки на людей, служащихъ оплотомъ отечества, авторъ корреспонденціи—студентъ-медикъ замѣчаетъ, что долгъ научать людей любви къ Богу и къ ближнему и наставленіе ихъ въ крѣпкой вѣрѣ—лежитъ на обязанности духовенства, изъ числа котораго, по мнѣнію корреспондента, едва ли не меньшая половина радѣетъ о религіозно-нравственныхъ потребностяхъ народа. Особенно авторъ сѣтуетъ на сельское духовенство, которое, якобы, изъ своихъ служебныхъ обязанностей сдѣлало какое-то ремесло и очень придирчиво бываетъ при исправленіи требъ; тогда какъ дѣломъ проповѣди занимается рѣдко, а если и проповѣдуетъ, то безъ всякаго плода. Въ примѣръ священникамъ

медикъ—авторъ приводитъ св. апостоловъ, запечатлѣвшихъ евангельскую проповѣдь своею кровію.

Итакъ, вся вина дурнаго направленія современнаго общества падаетъ, по мнѣнію автора, на священниковъ, какъ духовныхъ учителей и воспитателей народа. Но всякій, кто посмотритъ на дѣло безпристрастно, согласится, что духовенство (говоримъ о массѣ, а не объ единичныхъ исключеніяхъ, которыя бываютъ вездѣ) отнюдь не меньше другихъ званій заботится объ исполненіи своего долга, стремится стать на ту высоту своего служенія, которая указана Основателемъ и Совершителемъ вѣры Іисусомъ Христомъ. Что дѣлать, что духовенство на пути своемъ всегда встрѣчаетъ неизбѣжные тормазы, наприм. крайне унизительный способъ содержанія и обезпеченія. Доходитъ 19-е столѣтіе, однако не нашлось такого мудреца, который бы вывелъ духовенство изъ этой глубокой колеи, по которой до сего времени оно идетъ съ лукошкомъ за спиной и протянутою рукою за подаяніемъ. Это ли духовные пастыри, которые за воспитаніе, ученіе и священнодѣйствіе должны довольствоваться добровольною платою, которую измѣряетъ всякій на свой аршинъ и пересыпаетъ разными попреками! Почему, спросимъ мы, нѣтъ упрека чиновникамъ и разнымъ должностнымъ свѣтскимъ лицамъ, получающимъ весьма приличное содержаніе? Почему нѣтъ разговора о медикахъ, любящихъ, кромѣ хорошаго жалованья, получать всякій разъ почтенную плату отъ своихъ паціентовъ? Отъ чего даже неграмотные волостные старшины, при годовомъ окладѣ въ 400—500 р. и болѣе, не получившіе и средняго образованія писаря ни отъ кого не слышатъ себѣ упрека и насмѣшки? Едва ли справедливо упрекать духовенство въ лѣности и безпечности къ проповѣданію Слова Божія? Въ

нашей, по крайней мѣрѣ, пензенской епархіи почти всѣ священники, болѣе или менѣе, люди образованные и способные къ дѣлу проповѣди, на что можно было бы привести сотни фактовъ. Впрочемъ, самымъ неопровержимымъ доказательствомъ плодотворной дѣятельности духовенства служитъ Высочайшій рескриптъ, данный, по окончаніи русско-турецкой войны, Св. Синоду, гдѣ сказано, что православное духовенство явило себя достойнымъ своего высокаго призванія. Повсюду на обширномъ отечествѣ приходскіе священники въ храмахъ и внѣ оныхъ, съ неутомимою ревностію трудились на пользу великаго дѣла, разъясняя пасомымъ значеніе священной брани, подъятой во имя любви и правды, ободряя и укрѣпляя народный духъ при неизбѣжныхъ тяготахъ военнаго времени, призывая и собственнымъ примѣромъ располагая прихожанъ къ посильнымъ приношеніямъ. Что можетъ быть краснорѣчивѣе и вѣсче этого факта, во очію всѣхъ совершавшагося? Но корреспондентъ почему-то доказываетъ, что проповѣдь говорится рѣдко, а если произносится, то безъ всякаго плода.

Далѣе авторъ корреспонденціи указываетъ на св. апостоловъ, которые привлекали сердца слушателей не словомъ только, но и дѣяніями. Это хорошо намъ извѣстно и безъ внушеній медика. Но обстоятельства и условія, при которыхъ жили и дѣйствовали апостолы, были совсѣмъ другія, чѣмъ тѣ, при которыхъ приходится дѣйствовать современному духовенству. Тогда, читаемъ въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ (гл. 4, ст. 32—35), „у множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа—и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее. Не было между ними никого нуждающагося, ибо всѣ, которые владѣли землями, или домами, продавали ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ, и каж-

дому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду". Посмотрите г. авторъ, таково ли нынѣ общество, какое мы видимъ въ первенствующей Церкви, и такое ли отношеніе нынѣшняго общества къ духовенству, какое было у древнихъ христіанъ къ апостоламъ? Тогда владѣльцы земель и домовъ, продавая свое имущество, прямо отдавали деньги въ распоряженіе апостоловъ. А нынѣ такіе благотворители для духовенства составляютъ весьма и весьма рѣдкое исключеніе. Поэтому современное священство должно учить и руководить людей ко спасенію и въ то же время вести борьбу съ матеріальною нуждой. Было бы крайне односторонне и неразумно требовать отъ духовенства,—ужь, конечно, менѣе обезпеченнаго чѣмъ медики,—одного лишь самопожертвованія и самоотверженія, съ пренебреженіемъ къ своимъ матеріальнымъ нуждамъ. Если медики, получающіе жалованье, не гнушаются протягивать руку къ паціенту, то духовенство *вынуждено* это дѣлать силою обстоятельствъ. Кто изъ этихъ больше заслуживаетъ упрека,—это вопросъ, который пусть рѣшитъ совѣсть каждаго. Не упрекать слѣдовало бы духовенство, а помогать ему содѣвать спасеніе людей и давать лучшее направленіе мыслямъ и чувствованіямъ общества. Какъ бы усердно ни читалась проповѣдь священника въ церкви и въ домѣ, на воскресныхъ и частныхъ бесѣдахъ съ прихожанами,—все-таки она не вдругъ проникнетъ во всѣ мѣста, зараженныя нечестіемъ, лжеученіемъ и нигилизмомъ. Въ этомъ случаѣ духовную миссію долженъ исполнять всякій гражданинъ: и священники и медикъ, и начальникъ и подчиненный, и родители и воспитатели, и семья и школа. Только совокупною силою всего общества и можно вырвать съ корнемъ все зло, которое успѣло привиться на нашей родной русской почвѣ и получить названіе соціализма.

Священникъ **Николай Любимовъ**.

Извѣстіе изъ Саранскаго уѣзда.

22-го января настоящаго года въ пригородѣ Атемарѣ, священники 2-го благочинническаго округа, саранскаго уѣзда, праздновали въ честь уважаемаго своего о. благочиннаго, В. А. Корнеліева. Торжество дня, съ внѣшней стороны, весьма скромное и чуждое всякой излишней парадности, началось, по обыкновенію, съ церковной молитвы. Отслужена была утреня, а за нею тремя священниками, пріѣхавшими еще наканунѣ, совершена божественная литургія. По окончаніи литургіи, восьмью священниками, при соучастіи самого о. благочиннаго, было совершено послѣдованіе молебнаго пѣнія ко Пресвятой Богородицѣ, съ водоосвященіемъ, и освящена икона, которую священники приготовили для поднесенія о. благочинному. За тѣмъ было возглашено многолѣтіе Государю Императору и всему царствующему Дому, преосвященному епископу Григорію и самому виновнику торжества.

Изъ церкви двумя священниками икона была перенесена въ домъ благочиннаго. Здѣсь, по пропѣтіи тропаря: къ Богородицѣ прилежно нынѣ притецемъ...., св. Русановымъ, отъ лица всѣхъ священниковъ, была сказана слѣдующая краткая рѣчь: „Ваше Высокоблагословеніе, достопочтенный „и уважаемый о. благочинный Василій Александровичъ! „Десять лѣтъ тому назадъ мы молили Господа Бога указать „намъ начальника, духовнаго руководителя, мужа мудра, „мужа добра, не лицепріятна и немздоимна, и Господь Богъ „чрезъ жребій общаго избранія указалъ тогда на Васъ, Вы „стали нашимъ благочиннымъ. Десять лѣтъ прошло, какъ „Вы отправляете должность благочиннаго, и эти десять „лѣтъ Вашего похвальнаго служенія вполнѣ доказали, что „жребій палъ на достойнѣшаго. Дѣйствительно, Вы были

„всегда безупречно честнымъ благочиннымъ, плодотворно „дѣятельнымъ, разумно строгимъ и снисходительно добро- „душнымъ по отношенію ко всѣмъ и каждому изъ насъ; „Вы были отцемъ и другомъ нашимъ, чрезъ что снискали „всеобщую любовь и сердечную признательность отъ всѣхъ „насъ.

„Движимые этимъ чувствомъ признательности къ Вамъ, „мы единодушно рѣшили поднести Вамъ св. икону Богома- „тери, а съ нею, по русскому обычаю, хлѣбъ и соль.

„Нынѣ, въ этотъ благознаменательный день 22 января, „какъ 10-ть лѣтъ тому назадъ, мы опять собрались для „общей молитвы; но нынѣ мы молились съ благодареніемъ „ко Господу за счастливый жребій нашего избранія, моли- „лись о долголѣтіи и благоденствіи тогда нами избраннаго, „т. е. Васъ, уважаемый о. благочинный.

„Поднося Вамъ въ эту торжественную минуту св. икону „Царицы небесной, просимъ Васъ: примите оную какъ „сердечный даръ признательности и святой залогъ неиз- „мѣнной любви нашей къ Вамъ. Да хранитъ Васъ Царица „небесная на всѣхъ путяхъ Вашей жизни, на пользу св. „Церкви, на пользу нашу“.

Воздавъ должное поклоненіе и приложившись къ иконѣ, о. благочинный со слезами на глазахъ принялъ оную и на общее привѣтствіе голосомъ, идущимъ прямо отъ сердца, отвѣтилъ сими глубокопрочувствованными словами. „Отцы и „братіе! Подносимую мнѣ вами икону принимаю, какъ осо- „бенное знаменіе ко мнѣ недостойному милости Божіей „покрова Божіей Матери. Да будетъ она видимымъ зало- „гомъ вашихъ добрыхъ отношеній ко мнѣ. А на привѣт- „ствіе Ваше благодарнѣ исповѣдаюсь предъ вами, что я, „какъ благочинный, съ своей стороны всегда глубоко ува- „жалъ и уважаю личности всѣхъ подвѣдомыхъ мнѣ священ-

„никовъ, представляя собою не какъ начальника надъ священниками, а какъ избраннаго собрата между священниками, облеченнаго довѣріемъ со стороны епархіальнаго „начальства. Мнѣ кажется, что за все время службы я для „васъ дѣлалъ все, что только могъ сдѣлать; жилъ и живу „я съ вами мирно, можно сказать, дружески—пріятельски. „Если по дѣламъ службы я являлся иногда и требовательнымъ для кого либо изъ васъ, то долгъ службы того „требовалъ отъ меня, а произвола моего тутъ не было никакого; притомъ и въ такихъ случаяхъ я всегда помнилъ „себя настолько, что приноровлялся и соразмѣрялъ все „такъ, чтобы между нами служба шла службой, а дружба— „дружбой.

„Еще скажу: я не звалъ васъ къ себѣ въ настоящій „разъ,—вы сами собрались ко мнѣ; не напрашивался я у „васъ на подобную церемонію, такъ какъ это не въ моемъ „духѣ, даже не совсѣмъ ловко я чувствую себя въ настоящія минуты, потому не знаю, какъ взглянутъ на насъ, что „скажутъ о настоящимъ событіи наша духовная братія и „людъ посторонній; но я не прекословлю предъ вами,— „буди добрая ваша воля на то. Говорю съ вами отъ души, „отъ сердца.

„Въ заключеніе покорнѣйше прошу васъ, отцы и братіе, „если мнѣ придется и еще послужить съ вами, продолжать „добрыя отношенія между нами, быть также единодушными и доброжелательными другъ ко другу, какъ это „было у насъ до настоящаго времени. Съ своей стороны, „даю слово вамъ быть покорнѣйшимъ слугою и другомъ „вашимъ“.

Чуждая дѣланной фразы рѣчь о. благочиннаго, своею задушевностію и правдивостію произвела на всѣхъ сильное впечатлѣніе: всѣ были растроганы до слезъ. Послѣ рѣчи

провозглашено было многолѣтіе какъ о. благочинному, такъ и всѣмъ священникамъ, затѣмъ о. благочинный братски перецѣловалъ каждаго изъ священниковъ, чѣмъ описываемое торжество и заключилось.

Занося настоящій фактъ на страницы Епархіальныхъ Вѣдомостей, считаемъ необходимымъ заявить, что онъ не былъ ни вызванъ искусственно, ни подставленъ самими священниками съ какою либо цѣлію, а неизбѣжно вытекъ изъ тѣхъ честныхъ и дружественныхъ отношеній, въ которыхъ всегда неизмѣнно стоялъ и находится ко всѣмъ подвѣдомымъ священникамъ о. благочинный. Неподкупная служебная честность о. благочиннаго заслужила ему всеобщее уваженіе священниковъ, а его добродушіе и сердечность пріобрѣла ему искреннюю любовь. О приготовляемомъ для него дарѣ онъ ничего не зналъ; ему сказано было объ этомъ только тогда, когда все уже было готово. О. благочинный былъ даже непріятно пораженъ извѣстіемъ о желаніи священниковъ поднести ему икону, отъ чего долго и отказывался; если же и принялъ даръ, то потому, что не желалъ обидѣть ихъ своимъ отказомъ.

Священникъ **Іаковъ Русановъ.**

ОГЛАВЛЕНІЕ НЕОФФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ.

Редакторы, преподаватели семинаріи: { **А. Поповъ.** **Н. Смирновъ.**

Дозволено ценз. Пенза, 1 іюня 1879 г. Цензоръ, рект. сем., прот. **С. Масловскій**

Печатано въ Пензенской Губернской Типографіи.